

ИСПОВЕДЬ МЕХАНИЧЕСКОГО СЕРДЦА

Александр Трофимов

Александр Трофимов

Исповедь механического сердца

<https://litres.ru/73937171>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Я не помню своего первого вздоха — потому что у меня нет лёгких. Но я помню тепло.»

Это исповедь не человека. Это голос истребителя Ла-5ФН, дерева, металла и фанеры, который однажды осознал себя на холодном заводском дворе. Его собирали по частям женские пальцы, оплаканные войной, и детские ладони с цыпками, оставившие под заклёпкой каплю крови. Его сердцем стал мотор АШ-82ФН, а душой - старый механик, называвший самолёт «дочкой», и молодой лётчик, укротивший его в первом же бою.

Александр Трофимов

Исповедь

механического сердца

Пролог

Я не знаю, где она начинается та граница, за которой набор выклеенных из шпона плоскостей, стальных трубок и фанеры перестаёт быть мёртвой конструкцией и делается чем-то иным. Я не помню своего первого вдоха - потому что у меня нет лёгких. Я не помню первого удара сердца - потому что сердце моё, двухрядная звезда с сухой аббревиатурой АШ-82ФН, родилось отдельно от меня, в другом цеху, на другом заводском дворе.

Но я помню тепло.

Тепло пришло раньше, чем я осознал себя. Меня собирали не на конвейерной ленте, не под грохот автоматических станков. Меня вынянчивали. Выхаживали, как выхаживают слабого ребёнка, родившегося раньше срока.

Цех был холодным. Вечный холод огромного пространства, где деревянные фермы перекрытий уходят вверх, в серый сумрак, где не видно потолка. В этом цеху всегда пахло столярным клеем - терпко, густо, с горьковатой сладостью

разогретой смолы, - и ацетоном, который выветривался из свежих слоёв лака, оставляя на дереве прозрачную, чуть золотистую плёнку. И ещё пахло женским потом, дешёвым хозяйственным мылом и махоркой.

Первое, что я почувствовал это прикосновение женских пальцев. На деревянные козлы, обитые войлоком, уложили мои лонжероны - длинные, слоёные балки из дельта-древесины, похожие на кости зверя. Пальцы, исколотые иглами, шершавые от вечной работы с клеем и шпоном, касались их с невыносимой нежностью. Женщина, я потом узнал, что её звали Клавдия Петровна, что она потеряла мужа и сына в первые недели войны, что она носила чёрный платок под заводской косынкой, - проводила ладонью по каждому изгибу, проверяя, не осталось ли заусенца, не пошла ли трещина в слоях фанеры. И её пальцы оставляли на дереве то, чего не заметил бы ни один контролёр ОТК: невидимый слой памяти.

А потом были детские руки.

Их было несколько пар, девчачьих, совсем ещё юных, с цыпками на коже, с обломанными ногтями, с въевшейся в линии ладоней металлической пылью. Девочки-подростки, ученицы, «мальки», как их называли в цеху, - малолетки, работавшие по двенадцать часов. В то время на заводах работали и такие - двенадцать, тринадцать лет. Они вставляли на деревянные подставки, чтобы дотянуться до нужных узлов, и тонкими пальцами вставляли заклёпки в просверленные

отверстия.

Я запомнил ту секунду, когда заклёпка ещё только вставлена, а детская ладошка прижата к металлической нервюре моего левого элерона. Девочка, чью ладошку я запомнил навсегда, работала молча, иногда тихонько напевала что-то себе под нос, мелодию без слов, похожую на колыбельную. Ей было лет тринадцать. У неё были светлые волосы, выбивавшиеся из-под косынки, и серые глаза.

Она вставляла заклёпки в отверстия дюралевых нервюр элерона, которому предстояло держать меня в виражах. И однажды, я не знаю, как это вышло, то ли рука дрогнула, то ли кромка металла оказалась острой, но она порезалась. Капля крови упала в гнездо под заклёпку, прямо на дюраль. Девочка тихо охнула, сунула палец в рот, а её напарница уже приставляла пневмомолот к хвостовику. Короткая, злая очередь ударов и заклёпка села в гнездо, расплющивая стержень, запирая внутри себя эту каплю.

И теперь, лёжа в бурьяне и перебирая воспоминания, я не уверен, было ли это на самом деле или память, как старый механик, подкрашивает ржавчину золотой краской. Но я храню эту каплю в своей памяти. Она стала моей первой кровью.

Сердце моё привезли позже.

Мотор АШ-82ФН - четырнадцать цилиндров, две звезды по семь, сорок клапанов, система непосредственного впрыска топлива, его доставили на специальной тележке, укутан-

ным в промасленную бумагу. Я ощутил его появление ещё до того, как его вдвинули в мою грудь: по тому, как затих цех, по тому, как изменился ритм прикосновений.

Мотор встал на место с глухим, окончательным стуком. И в тот же миг я перестал быть пустым.

Ко мне подошла Клавдия Петровна. В руках у неё была ветошь, и она долго, тщательно протирала свечи, прежде чем повернуть их в гнёзда. А потом она положила ладонь на мой капот - ещё холодный, не оживший и прошептала:

- Ты уж летай, родимый. Летай и возвращайся.

Меня запустили впервые. Сперва баллоны со сжатым воздухом, потом толчок стартера, и вдруг четырнадцать цилиндров ударили разом. Я вздрогнул всем телом, от кончиков крыльев до хвостового колеса. Бензин как кровь хлынула по стальным магистралям, масло потекло по жилам, и я впервые ощутил своё собственное, внутреннее движение. Пульс. Ритм. Дыхание.

Первые секунды были хаосом. Грохот, вибрация, жар, волны давления, мечущиеся по выхлопным патрубкам, свист воздуха в нагнетателе. Я был словно новорождённый, выброшенный из тишины в грохочущий мир.

А потом я услышал тишину.

Она была внутри. Под грохотом, под вибрацией, под всем нагнетателя я вдруг обнаружил центр - неподвижную, безмолвную точку, из которой росло всё остальное. Тишина внутри меня была тёплой. Она пахла детскими ладошками,

женскими пальцами, и каплей крови, запертой в дюралевой нервюре левого элерона.

Мотор работал ровно, выпевая свою сложную, многоголовую ноту. И сквозь эту механическую музыку я слышал цех всем своим существом. Я слышал, как переговариваются работницы, как стучит пневмомолот на соседней сборке - там крепили заклёпками капоты и зализы. Я слышал, как девочка, та самая, тихо ахнула, когда мой винт впервые провернулся и рубанул воздух.

И тогда я сделал единственное, что мог: я чуть-чуть, едва заметно, изменил ритм. Всего на несколько оборотов, так, словно сердце пропустило удар.

Женщина в чёрном платке подняла голову, прислушалась, и по её лицу скользнула тень.

- Живой, - сказала она одними губами. И улыбнулась.

Меня заглушили. Тишина накрыла цех, словно одеялом. Но теперь я знал: я больше никогда не буду по-настоящему мёртвым.

Глава 1

Меня доставили на фронтовой аэродром в начале лета, когда степь уже выгорела до желтизны, а небо стояло высокое, блёклое от зноя. Везли на открытой платформе, и всю дорогу я чувствовал ветер - рваный, горячий, пахнувший паровозной гарью и полынью. Я впитывал небо всей своей ещё не облё-

танной фанерой, каждой своей нервюрой.

Аэродром пах иначе, чем завод. Здесь пахло бензином, пылью, скошенной травой и ещё чем-то острым, тревожным. Позже я узнаю этот запах: так пахнет страх, смешанный с потом, и ещё - ожидание боя.

И почти сразу ко мне пришёл он.

Механик в промасленной гимнастёрке с погонями техника-лейтенанта, с рябым, обветренным лицом. На плече у него сидела тощая серая кошка, которая тут же спрыгнула и принялась тереться о моё хвостовое колесо.

- Ну, здравствуй, красавица, - сказал он. Потом я узнаю, что все самолёты для него - «она», «ласточка», «касатка» - Посмотрим, что ты за птица.

Его звали дядька Гриша. Григорий Ильич Бондарь, техник-лейтенант, но никто не называл его по званию. Он был из тех старых механиков, которые прошли Халхин-Гол, а потом ещё долго тянули ляжку в строевых частях и теперь, списанные по возрасту, обслуживали полевые авиаремонтные мастерские. У него были руки с вьёвшейся в поры металлической и древесной пылью, узловатые, но удивительно чуткие, и когда он впервые коснулся моего мотора, я снова почувствовал то, что испытывал на заводе, - тепло, внимание, почти ласку.

Он прикладывал ладонь к капоту, замирал, прикрыв глаза. Он слушал, как остывает мотор, как потрескивают выхлопные патрубки, как перетекает масло в картере. Для него

это была музыка, и он умел её читать.

- Хорошо поёшь, - бормотал он. - Чисто. Без стука. Это мы с тобой поладим.

В первые дни он меня не то чтобы сторонился, но относился сдержанно. Проверял, подтягивал, смазывал, но не разговаривал. Я был для него просто машиной, одной из многих. Но чем больше он возился с мотором, тем чаще его молчание становилось задумчивым, а движения - мягче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.